

Беззуба

ДЖИЯН

Джиян (литературный псевдоним Яхья Абдель Маджида) — известный современный иракский прозаик, один из представителей того нового творческого направления в литературе Ирака, которое возникло в первые послевоенные годы. Реалистическое отображение окружающей действительности, глубокий интерес к судьбам простых людей, обращение к живому народному языку характерны для Джияна. Его рассказ «Беззуба», раскрывающий психологию людей багдадского «дна», несет на себе следы благотворного влияния М. Горького.

Рассказ публикуется с некоторыми сокращениями

Рисунки И. Блюха

ХАДЕР поднялся и побрел, не зная куда и зачем. Он был пьян. Чаша кишмишного вина заглушила муки голодного желудка. Стало тепло. Блуждающим взглядом он скользнул по улице. Мускулы лица напряжены, над покрасневшими веками взъерошились два холмика буроватых, покрытых пылью бровей; из правой ноздри торчит длинный черный волос. При каждом выдохе он дрожит, почти касаясь густых топорщащихся усов.

Из кармана рубахи Хадер вытащил папиросу и остановился. Поискав коробок спичек и не найдя его, обратился к двум шедшим навстречу мужчинам:

— Дайте прикурить! Всего лишь одну спичку!

Прохожий отшатнулся. Не скрывая отвращения, покосился на руку, протянувшуюся к нему, как за милостыней.

— Пожалуйста, одну спичку!

После новой просьбы Хадеру удалось наконец прикурить. Он побрел дальше, медленно, ни о чем не думая. Грубые подкованные башмаки гулко стучали по тротуару. Правую ногу он поднимал с трудом — шатался, и его клонило налево. С краев грязных брюк свисала обтопанная бахрама ниток.

Оборачивавшиеся вслед прохожие видели на его затылке конку густых, слипшихся от грязи, кудрявых волос.

Сумасшедший, да и только! Здоровенный парень, а до чего докатился! Шерстяная рубаха без единой пуговицы, подол завернулся трубкой, сквозь дыру на плече видны обтянутые кожей кости и большой иссиня-черный кровоподтек. Головой вертит — то влево, то вправо; взгляд тревожный, выжидающий...

С одной стороны улицы — стеклянные витрины магазинов, вывески, с другой — покрашенные в розовый цвет скамейки чайханы. Чуть поодаль слы-

шится многоголосый говор, шум, крики... Там рынок Аль-Харадж¹. Через открытое окно парикмахерской видно, как стригут человека. Он покорно поворачивает голову. Быстро работают ножницы. Уличный продавец апельсинов — седоусый беззубый старик уставился на проститутку с подведенными тушью глазами. Из полураскрытого рта женщины разит вином и табаком. Выпирающие груди обнажены до сосков.

— О господи! — гнусавит старик, кривя губы в похотливой улыбке. — Вот так апельсинчики, не чета моим — райские!

Перекрывая шум и крики, раздаются голоса зазывал с аукциона:

— Тридцать два!

— Кто больше?

— Тридцать два с половиной!

— Продается! Продается!

— Кто больше?

— Отличная вещичка! Торопитесь!

Хадер приостановился. Ему хорошо знаком этот рынок, все завсегда так и его, кирпичная стена, окна лавок и магазинов, потайные двери, темные закоулки... Здесь он вырос, здесь помнит себя с той далекой поры, когда стал понимать окружающее. Целыми днями толкался он между людьми. Теснота, сутолока, давка. Его пинали локтями, прижимали спиной, а он хорошо знал свое дерзкое и смелое дело, прекрасно ориентировался в бурливом, шумящем водовороте базарной жизни, где нет милосердия, где господствуют два желания — продать и купить. Хотя возможно и третье, иное средство для пропитания, когда жизнь зависит от надежных и верных помощников — длинных паль-

¹ Аль-Харадж — рынок в Багдаде, где продают с рук новую и поношенную одежду (Здесь и ниже примечания переводчика).

цев с потемневшими суставами, от их безграничной ловкости, силы, умения...

Хадер научился придавать глазам нужное выражение. Пристально посмотрев на продавца, он взглядом, казалось, говорил, что ему нужен именно такой забун², который продается, а сам и не помышлял о покупке. И ходил за продавцом, словно охотник, выслеживающий добычу, внимательно наблюдая за каждым движением, изучая одежду, рост, ширину плеч, приноравливаясь к быстрым или замедленным шагам.

Хадер вспомнил, как настойчиво и поразительно искусно преследовал он свою дичь, опьяняясь слезкой. Сердце его бешено стучало, на висках бились жилки. А на лице напускное выражение покорной глупости, полного безразличия. Вот, тяжело ступая, он будто случайно поравнялся с прохожим, чуть-чуть толкнул его... Нет, благоприятный момент упущен.

И снова он идет рядом. Приготовился. Осторожно, краешками глаз глянул через плечо. Ускорил шаг и снова отстал. Затем, словно невзначай, качнулся, толкнул... Пальцы юркнули в карман быстро, резко и незаметно. Вцепились и что-то вытащили... Глотнув слюну, он поспешно переходит на другую сторону улицы. В руке зажато... Что именно? О желания, предел которых — ненароком сблизиться с прохожим, запустить руку... Исследовать тысячи карманов, изучить скрытые в них тайны! Завернутую в бумагу пригоршню сладостей, припасенных для ребенка, неприятно пахнущий, осклизлый носовой платок, письма с признаниями в любви, документы на старый дом... В некоторых карманах до краев насыпано семечек, которые помогают убивать время, в других — фрукты или разноцветные, вышитые женские косынки, авторучки всех сортов и цен. Быть может, совсем недавно ими писали:

«Умер отец...»

«Готовься к экзаменам...»

«Милая моя мама...»

«Сестра моя уважаемая...»

«Купи автомобиль...»

«Вчера арестовали друга...»

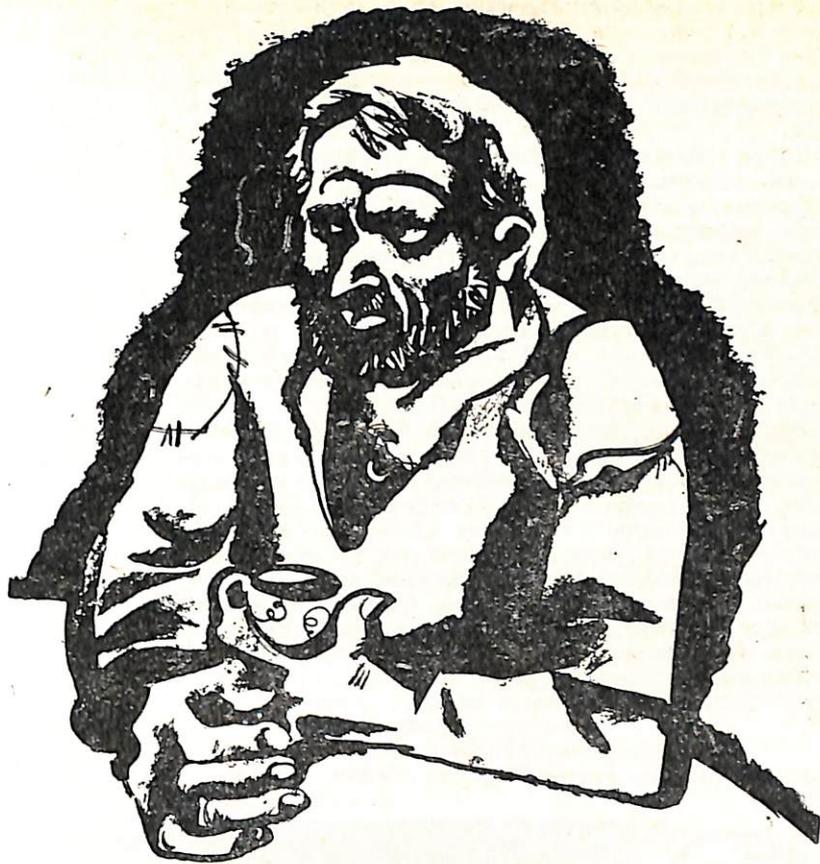
«Любимая, целую тебя...»

Миллионы слов, тысячи задушевных мыслей, записанных на бумаге, были прочитаны Хадером. Сколько раз его руки бродили по женским сумкам, то натыкаясь на губную помаду, то нащупывая маленькое круглое зеркальце или носовой платочек, который еще недавно держали тонкие пальцы...

Хадер увидел на углу улицы знакомое кафе «Аз-Захави». Он ускорил шаги, еще сильнее припадая на правую ногу; бахрому на брюках болталась во все стороны. Дырка на левом плече рубахи раздалась вширь, поползла.

* * *

Маятник часов из железного дерева, висевших в кафе, неустанно качался: вправо — влево, впра-

во — влево. Выпить крепкого, обжигающе горячего чаю, глотать его и чувствовать во рту сладкое жжение!

Неожиданно в дверях он запнулся — им овладела нерешительность, чуть ли не испуг.

«Пью чаю и уйду! — решил Хадер, поколебавшись мгновение. — Не повесят же меня!»

И все же лицо его побледнело, когда он увидел посетителей кафе, прочел в их взглядах крайнее удивление. Один перебирает четки янтарно-красного цвета, у другого физиономия залита румянцем, какой бывает у детей, — жирная, лоснящаяся физиономия. Видно, ему не понравился вошедший босяк, его опромная фигура.

— Что тебе надо? — грубо, с нескрываемым отвращением, спросил хозяин кафе, торопливо подошедший к Хадеру.

«Какой у него неприятный взгляд! — подумал Хадер, принуждая себя глядеть прямо в восковое, с бритым подбородком лицо. — Правый глаз сильно косит. Когда левый зло и сердито смотрит прямо, зрачок правого поднят чуть не до самой брови.»

— Что тебе здесь надо? — во второй раз спросил хозяин, повышая голос до заносчивого противного крика. — Я с тобой говорю!

— Что мне надо? Разве это не кафе? — спокойно проговорил Хадер, и волос в его ноздре качнулся. В душе закипал гнев.

Изумленный ответом, хозяин растерянно молчал. Высокомерные взгляды посетителей не отрывались от рваной и грязной одежды босяка, от его длинных, спутавшихся на висках волос, от лица с курчавой бородкой. Подумать только, нищий, оборванец, а держится независимо!

² *Забун* — длинная нижняя мужская рубаха.

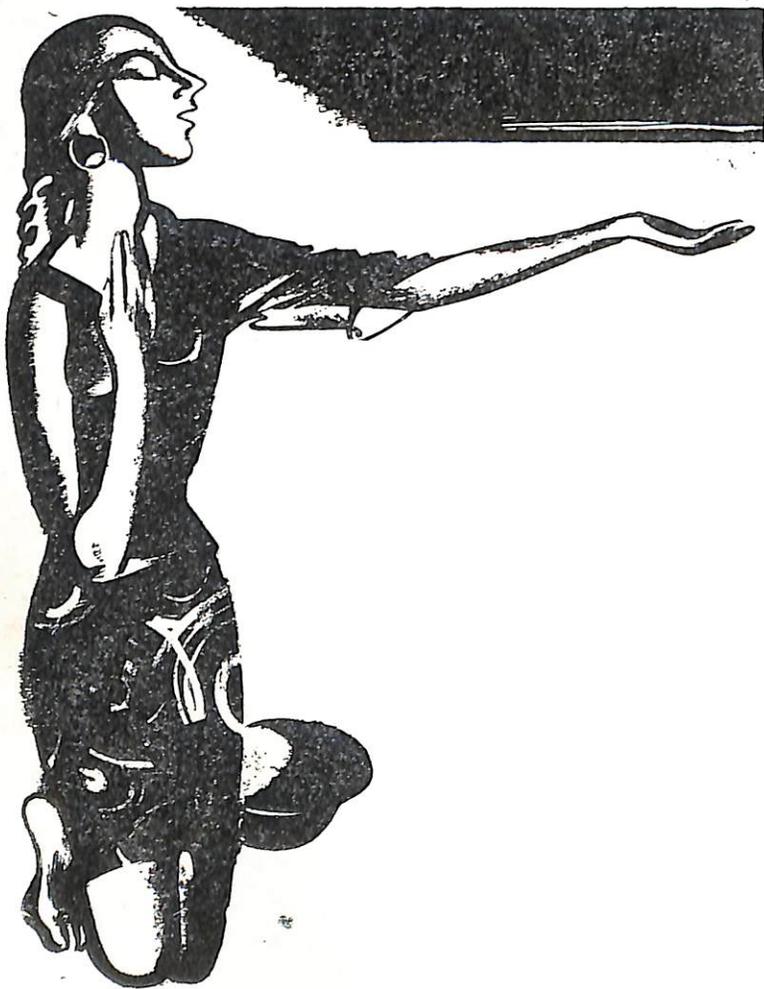
— Посмотри! Каков! А ведь он не один такой! — прошептал мужчина за соседним столиком, обращаясь к соседу. Затем, глубоко затаившись из орехового чубука, он пренебрежительно закончил: — Это бездомный! Их всегда полно на улицах и возле кафе.

Сосед кивнул, к отвращению в его взгляде добавилась подозрительность.

Во рту у Хадера стало горько. Лицо приняло такое выражение, словно он хочет крепко выругаться. Лишь глаза блестели по-прежнему — чистые и ясные. Он сделал несколько шагов в сторону хозяина, с большим искусством скрывая хромоту.

— Сударь! — Низкий голос звучал тихо и твердо. — Я хочу выпить чаю! Уплачу за него — я понимаю, что я в кафе, а не на свадьбе! — Через мгновение он добавил погромче: — Ладно?

Вконец растерявшийся хозяин беспомощно огляделся. Его округлившиеся глаза обнаруживали непроходимую глупость, жестокость и холодность. В смущении повел он бессмысленным взглядом по лицам посетителей, сидевших вблизи от входа, и дрогнул, увидев, что люди смотрят на него. Устался на господина с румяно-белым, как у ребенка, лицом: на голове растут редкие, белые, словно хлопья, волосы; они аккуратно, будто вышивкой, окаймляют блестящую красную лысину. Господин что-то бормочет. В одной руке у него очки в золотой оправе, короткие жирные пальцы, холёные ногти.

— Что же вы молчите? — наконец задыхаясь, высококим, прерывающимся голосом выговорил господин и, не дождавшись ответа, добавил: — Он ведь сказал, что попьет чаю и уйдет! Верно?

Повернув голову в сторону босняка, он вытянул губы и сильно потер глаз.

— Очень уж он страшен! — запинаясь, быстро пробормотал хозяин кафе.

— О да!

— Испугает кого хочешь!

— Да, да!

Хадер сидел как на иголках. Не выдержал, сердито гаркнул:

— Принесите стакан чаю и холодной воды!

На мгновение всё смолкло, посетители кафе замерли от удивления.

— Эй, мальчик! — нарушил тишину высокий голос хозяина. — Сюда один стакан чаю! И налей холодной воды!

Хадер сел на тахту, инстинктивно засунув ноги поглубже под сиденье. От сильного запаха табака ноздри его вздрогнули. Он словно проснулся. Громче зазвучали голоса официантов, говор посетителей, крики газетчиков, гудки автомашин, урчание моторов. Он жадно потянулся к карману, на дне которого лежала папироса, достал ее, взглянул на толстого господина, сидевшего напротив, и после небольшого раздумья пробормотал:

— Дайте спичку!

Толстяк вздрогнул, словно его обожгло, поднял голову, искоса взглянул из-за темных очков и прошептал, едва шевеля отвислыми губами:

— Тебе разрешили посидеть в кафе, а ты и раскуривать собрался! Отстань, я не курю!

— Я прошу только спичку! — От обиды голос Хадера стал хриплым.

Толстый господин побледнел.

— Отстань от меня! Я не курю! Отвяжись!

Хадер отвел глаза, тяжело вздохнул и проглотил слюну. Кто-то из посетителей чиркнул спичкой, дал ему прикурить. Выпив чай, он немного успокоился.

И снова без цели брел он в людском потоке. Лениво текли мысли: «Заглянуть бы в кафе Махмуда, выпить еще чаю и поспать до вечера! Ну да, а потом хозяин скажет: «Эй, ты! Вставай! Убирайся вон! Что я от тебя имею?»

— Чтоб эта улица перевернулась вверх дном! Чтоб эти господа заплакали, как женщины! Идиоты!

Не осталось у Хадера больше надежд, полны пригоршни ветра!

Вдруг, смутившись, он почувствовал, что кого-то задел. В тот же момент раздался детский голос:

— Ради аллаха, дайте ана! ³

Девочка была слепая. Она ползла на четвереньках. Коленки с огрубевшей, потрескавшейся кожей, на руках надеты «кабкабы» ⁴. Вот она приподнялась, стала на колени. Великолепные косы. Раздвинувшиеся пунцовые, нежные губы обнажили ряд блестящих зубов. Рука, пошарив, застегнула пуговицы воротника, открывшего было взглядам две маленькие груди.

Помимо желанья, глаза Хадера скользнули к разрезу платья, обежали тело и с трудом оторвались от него.

³ Ана — мелкая иракская монета, грош.

⁴ Кабкабы — дешёвые деревянные башмаки.

— О люди милостивые! Подайте то, что дал вам аллах! Одну ана!

Голос слепой лился широко и свободно. Пальцы лежали на вырезе возле груди. Другой рукой девочка отбросила за плечи пряди шелковистых волос. Личико с заостренным подбородком покрыто нежным загаром. А мимо шли люди, и каждый видел не дальше собственного носа.

Но вот мужчина с темным лицом зашептал что-то на ухо своему низенькому спутнику. Тот погладил короткие усы. Жаркие взгляды устремились на бедра девочки. Похотливые, раздевающие донуга взгляды... Хадер заметил их. Так смотреть на слепую, нищую, согнувшуюся в мольбе!

Перебивая людской говор, загредел голос торговца:

— Эй! То, что продают за полтора динара⁵, я отдаю за триста фельсов⁶. Даром! Просто даром! Американские рубашки...

— О люди милостивые! — раздавался нежный голос девочки. — Подайте то, что дал вам аллах! Одну ана!

Слепая медленно, очевидно устав, повторяла одни и те же фразы, мольбу о помощи. Мужчина остановился возле нищей. Бесстыжие глаза ощупывали ее с головы до ног. Вдруг, быстро нагнувшись, он ущипнул девочку за бедро.

Хадер не помнит, как случилось, что его грубые, смуглые, костлявые пальцы с набухшими жилами сильно сжали плечо негодяя. Широко раздувшиеся ноздри втянули прохладный воздух, глаза засверкали...

— Зачем так делать?! — медленно спросил он, четко выговаривая слова. Вдохнул глубоко еще раз и быстро закончил: — Разве не видишь — она нищая, слепая, хромая!

Кровь бросилась мужчине в лицо. Он расвирипел. На багровых щеках задрожала кожа. Вокруг собиралась любопытная толпа...

Пальцы, державшие мужчину за плечо, нащупали что-то в верхнем кармане, какую-то безделушку. И во внутреннем кармане тоже что-то есть...

— А тебе чего?! Что пристал? — отрывисто и гневно кричал мужчина.

«Вот обещу его сейчас да скажу людям, что он приставал к слепой... Нет! Изобью! Сломаю переносицу! Нет! Росту мы одинакового — ударю головой в лицо! В кровь расквашу!»

Волнение нарастало. Противники стояли, глядя друг другу в глаза. Холодно, сурово. Быстро летели секунды. Не выдержав, мужчина отвернулся к своему низкорослому спутнику и проглотил слюну. Хадер ошетинился, словно кот, но спокойно, как обычно, сказал:

— Лучше уйди!

— О люди милостивые! — послышался снова голос девочки. — Подайте то, что дал вам аллах! Одну ана!

Мужчина вздрогнул и отошел в сторону.

Хадер помедлил, чувствуя какую-то пустоту, а затем, неловко ступая больной ногой, пошел туда, откуда слышался голос девочки. Между пальцев проскользнула холодная ана.

— Возьми, дочка! — тихо пробормотал он.

Ана упала прямо в протянутую руку.

— Спасибо тебе, дядя! Аллах тебе подаст!

Девочка снова надела деревянный башмак на руку, привычно, монотонно повторяя:

— О люди милостивые! Подайте то, что дал вам аллах! Одну ана!

Хадер прислонился к каменной колонне, глядел на девочку. По улице проезжали большие красные автобусы. В уши бил шум города, живущего своей жизнью.

Хадер поднял потупленную голову. Десятки спин, ног и ботинок. Все люди шли куда-то, к чему-то стремились. И только он один ощущал необыкновенную усталость, усталость от жизни.

Перевел с арабского
Игорь Лебединский

БУЮНГ САЛЕХ

Индонезийский поэт

МЫ СЧАСТЬЕ ВОЗВЕДЕМ СВОИМ ТРУДОМ

Одно лишь слово, и людская совесть
Покровы тайны скорбно поднимает.
Одно лишь слово — тягостная повесть
Тасикмалаи!¹
Кто ее не знает!

Не встретишь жизни на глухих просторах.
Иссыкая земля, от жажды задыхаясь,
Свои бугры багровые вздымает,
Как будто небу мрачно шлет укору
Тасикмалая — нищая, немая.

Пусть трус дрожит, а нам достался жребий
Любить — творить, живого не губя.
Любовь не в том, чтобы просить у неба —
Чтоб, словно солнце, отдавать себя.

Восходит жизнь, ее не переспоришь,
Зеленой нивою на высохшей земле,
Как памятник былых, но пройденных историй,
Как слава тем, кто здесь оставит след.

В миноре низко голоса звучат,
Грусть вековая залегла в очах,
И песня боли льется вековая.
Но люди встали, люди не молчат,
Взлетает клич над обреченным краем:
«Своим трудом, всей силою любви
Излечим раны старые твои,
Моя Тасикмалая!»

Пусть мысли высь, натруженные руки
И сердца зов пребудут нам порукой.
Мы счастье возведем своим трудом.
Пусть песня жизни вьется, не смолкая,
Над краем горным, над счастливым краем,
Где ныне борется моя Тасикмалая!

Перевел с индонезийского
Станислав Семиволос

¹ Тасикмалая — местность на Западной Яве.

⁵ Динар — основная денежная единица в Ираке.

⁶ Фельс — мелкая монета. В одном динаре 10 тысяч фельсов.